

Вл. Розенберг, В. Якушкин

**Русская печать и цензура в
прошлом и настоящем**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В57

В57 **Вл. Розенберг**
Русская печать и цензура в прошлом и настоящем / Вл. Розенберг, В. Якушкин –
М.: Книга по Требованию, 2012. – 255 с.

ISBN 978-5-458-33063-3

ISBN 978-5-458-33063-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Изъ исторіи русской цензуры.

Исторія цензуры должна быть, несомнѣнно, признана очень важнымъ и существеннымъ отдѣломъ въ исторіи русской жизни и особенно литературы. Для того, чтобы правильно оцѣнить сочиненіе какого-либо писателя, то или другое періодическое изданіе, всегда болѣе или менѣе отражающія въ себѣ вопросы, идеи времени, необходимо имѣть въ виду цензурныя условія, вліявшія на эти произведенія печати. Мы только тогда можемъ судить о писателѣ, объ его взглядахъ, объ его отношеніи къ современнымъ ему общественнымъ задачамъ, когда примемъ во вниманіе степень свободы, ему предоставленной, степень возможности высказывать ему свои мнѣнія по религіознымъ, общественнымъ, политическимъ, научнымъ вопросамъ. Съ этой точки зрѣнія, — которая, конечно, обязательна для исторіи литературы, — прежнія судьбы нашей цензуры имѣютъ особый интересъ. Перемены въ цензурныхъ уставахъ и въ цензурной практикѣ подвергались вліянію общихъ условій русской жизни; представляя отраженіе этихъ условій въ особой, своеобразной сферѣ, онѣ черезъ это опять предъявляютъ самостоятельныя права на вниманіе исторіи.

Въ московскій періодъ мы встрѣчаемъ немало случаевъ преслѣдованій авторовъ за ихъ сочиненія (особенно во вторую половину XVII в., когда развился расколъ); иногда мы имѣемъ и любопытные случаи „предварительной цензуры“, какъ, напр., пренія Лаврен-

тія Зизанія, по поводу его книги „Оглашеніе“, съ богоявленскимъ игуменомъ Ильей и „отъ книжныя справки“ Гришкою, которымъ патріархъ Филаретъ поручилъ разсмотрѣніе представленной ему книги“ ¹⁾). Но въ XVII вѣкѣ мы еще совершенно не встрѣчаемъ какихъ бы то ни было общихъ распоряженій о цензурѣ. Литература тогда была почти только духовная, наблюденіе за нею принадлежало высшему духовенству и не отдѣлялось отъ другихъ заботъ его о дѣлахъ вѣры; при томъ же типографскій станокъ былъ исключительно въ распоряженіи правительства.

Наша новая литература ведетъ свое начало отъ Петра Великаго, которому обязано своимъ развитіемъ наше книжное дѣло. Великій царь является писателемъ и переводчикомъ, издателемъ и редакторомъ; онъ преобразовалъ нашъ шрифтъ, улучшилъ наши типографіи, причемъ онъ самъ бывалъ и корректоромъ, и даже наборщикомъ. Петръ былъ создателемъ нашей журналистики, нашей новой политической литературы и публицистики. При правительственномъ происхожденіи печати, въ первое время ея существованія, пока за нею оставался офиціальный и офиціозный характеръ и пока самыя типографіи были только въ рукахъ правительства,—въ цензурѣ, конечно, не могло чувствоваться никакой надобности. При Петрѣ мы встрѣчаемъ лишь нѣкоторыя распоряженія по духовной цензурѣ. Такое распоряженіе было сдѣлано по отношенію къ южнымъ типографіямъ, не зависѣвшимъ прямо отъ правительства; въ духовномъ регламентѣ сдѣлано общее постановленіе: „аще кто о чемъ богословское письмо сочинить, и тое бѣ не печатать, но первѣе презентовать въ коллегіумъ; а коллегіумъ разсмотрѣть должно, нѣтъ-ли каковаго въ письмѣ ономъ погрѣшенія, ученію православному противнаго“ ²⁾).

¹⁾ См. „Истор. Росс.“ Соловьева, т. IX, стр. 462—464.

²⁾ П. С. З. № 3653; Дух. Регламентъ, № 3718, часть III,

Въ 1727 г. было сдѣлано распоряженіе ¹⁾: церковныя типографіи изъ Петербурга переведены въ Москву, а въ Петербургѣ оставлены свѣтскія типографіи при сенатѣ (для указовъ) и при академіи наукъ (собственно для научныхъ и другихъ книгъ). Въ академической типографіи печатались какъ научныя или ученныя книги, такъ и журналы, газеты,—печатались свои и чужія изданія. Цензура всего печатаемаго принадлежала академіи: тутъ возникали цензурныя затрудненія и осложненія, на нѣкоторыя изъ которыхъ я и укажу.

Въ 1749 г. академику Миллеру было поручено написать рѣчь къ торжественному акту академіи; онъ написалъ по-латыни изслѣдованіе „De origine gentis russicae“; говоря о призваніи князей, Миллеръ слѣдовалъ прямому свидѣтельству лѣтописи и признавалъ, что первые князья наши были варяжскаго, скандинавскаго происхожденія. По проискамъ Шумахера, рѣчь Миллера, уже конченная печатаніемъ, была подвергнута разсмотрѣнію другихъ академиковъ, которымъ было поручено—„рѣчь освидѣтельствовать, не отыщется-ли въ оной чего для Россіи предосудительнаго“. Отзыви академиковъ были неблагопріятны для Миллера: Тепловъ, Тредіаковскій, Ломоносовъ, Поповъ, всѣ наши, что Миллеръ, признавъ лѣтописныя свидѣтельства, оскорбляетъ, унижаетъ Россію. Еще въ московской Руси, какъ извѣстно, не удовлетворялись лѣтописнымъ рассказомъ; тамъ уже составлено было преданіе, которое приписывало нашимъ первымъ князьямъ происхожденіе отъ Августа-Кесаря и т. д. Тепловъ писалъ: „во всей рѣчи (Миллеръ) ни одного случая не показалъ къ славѣ російскаго народа, но только упо-

§ 3. Почти всѣ указы о цензурѣ напечатаны въ „Сборникъ постановленій и распоряженій по цензурѣ съ 1720 по 1862 г.“ Напечатанъ по распоряженію министерства народнаго просвѣщенія“. Стб. 1862 г.

¹⁾ П. С. З. № 5175.

мянулъ о томъ больше, что къ безславію служить можетъ...“ Особенно горячо возсталъ на Миллера Ломоносовъ, который защищалъ противъ Миллера (т. е. противъ лѣтописи) выдумки Синописа. По представленію академиковъ рѣчь Миллера велѣно было уничтожить; даже корректурные и рукописные листы были отобраны у автора ¹⁾).

При академіи издавались *С.-Петербургскія Вѣдомости*; изданіе ихъ подверглось цензурнымъ ограниченіямъ; по поводу неправильнаго сообщенія о какой-то наградѣ, *Вѣдомости* были въ 1742 г. подчинены сенатской цензурѣ, а въ 1751 запрещено безъ Высочайшей апробаціи печатать „артикулы“, относящіяся до придворныхъ происшествій ²⁾).

Тотъ же академикъ Миллеръ, котораго рѣчь была уничтожена въ 1749 г., какъ мы сейчасъ видѣли, и который является однимъ изъ самыхъ видныхъ и неутомимыхъ дѣятелей нашей литературы прошлаго вѣка,—Миллеръ издавалъ при академіи первый русскій журналъ *Ежемесячныя Сочиненія*. Изданіе это нѣскольکو разъ встрѣчало цензурныя помѣхи. Въ первый же годъ изданія журнала Тредіаковскій, обидѣвшись на напечатанное тамъ стихотвореніе Сумарокова о плохихъ стихотворцахъ, подалъ въ святѣйшій синодъ доношеніе: „Читая сентябрьскую книжку *Ежемесячныхъ Сочиненій* сего 1755 г., нашелъ я, именованный, въ ней оды духовныя, сочиненныя г. полковн. Александромъ Петровымъ сыномъ Сумароковымъ, а (въ одной изъ нихъ) увидѣлъ, что она... говоритъ отъ себя, а не изъ Псаломника, о безконечности вселенной и дѣйствительномъ множествѣ міровъ, а не о возможномъ по всемогуществу Божію. И понеже ежемѣсячныя книжки обращаются многихъ читателей руками, изъ которыхъ

¹⁾ Исторія акад. наукъ. I, 358--360; 56—58; II, 239—247, 427—440; 897, 907.

²⁾ П. С. З. № 8529, № 9903.

инные могутъ и въ соблазнъ придти, того ради по ревности и вѣрѣ моей истинному слову Божію..., о такой помянутыя оды лжи на Псаломника, покорнѣйше донося, извѣщаю"... Этотъ доносъ не имѣлъ прямыхъ послѣдствій ¹⁾, но вѣроятно, онъ обратилъ вниманіе синода на академическій журналъ, и въ слѣдующемъ году синодъ, по поводу статьи журнала—„О величествѣ Божіи размышленія“, представилъ докладъ государынѣ: „Понеже усматриваемъ, что въ ежемѣсячныхъ, изъ с.-петербургской академіи выходящихъ, примѣчаніяхъ не токмо много честнымъ нравомъ и житію христіанскому, но и вѣрѣ святой противнаго имѣется, особенно нѣкоторые переводы и сочиненія, многіе, а индѣ и безчисленные міры быть утверждающіе, что и священному писанію, и вѣрѣ христіанской крапе противно есть, и многимъ неутвержденнымъ душамъ причину къ *натуралтзму* и безбожію подаеть, того ради всеподданнѣйше о семъ донося, падши къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества“...—синодъ требовалъ конфискаціи *Ежемѣсячныхъ Сочиненій*; но благодаря ли недоказанности и неосновательности доклада, благодаря ли заступничеству за академическій журналъ президента академіи, гр. Разумовскаго,—требованіе си-

¹⁾ Подобные доносы по литературнымъ дѣламъ составляютъ печальное, но обычное явленіе въ исторіи нашего общества. Отмѣтивъ существованіе ихъ уже въ началѣ XVIII вѣка, академикъ Пекарскій говоритъ: „Тогда находили болѣе удобнымъ, вмѣсто критической оцѣнки тѣхъ или другихъ произведеній, подлежащихъ суду публики, дѣлать официальные доносы на сочиненія, которыя почему-либо не нравились доносчику. Немногосложность и доступность такой потаенной критики для каждаго, слѣдующаго въ жизни извѣстнымъ правиламъ, а также рѣшительное отсутствіе общественнаго мнѣнія, которое бы карало доносъ и лицо, на него рѣшившееся, достаточно объясняютъ подобное явленіе“ („Наука и литература при Петрѣ Великомъ“, I, стр. 495). Такого рода доносы по литературнымъ дѣламъ встрѣчаются у насъ не только въ началѣ XVIII вѣка, но и въ болѣе позднія эпохи, до нашихъ дней.

нода не было исполнено. Миллеру все-таки приходилось быть осторожнѣе въ статьяxъ о религіозныхъ вопросахъ.

Въ слѣдующемъ году *Ежемесячныя Сочиненія* были особенно несчастливы въ цензурномъ отношеніи. Ломоносовъ (бывшій въ это время членомъ академической канцеляріи) обратилъ вниманіе на статью Григорія Полетики „О началѣ, возобновленіи и распространеніи ученія и училищъ въ Россіи и о нынѣшнемъ оныхъ состояніи“,—и „освидѣтельствовалъ“ ее еще до выхода въ свѣтъ, причемъ призналъ ее оскорбительною для Россіи, такъ какъ въ ней ничего не сказано о школахъ съ X по XVII в. въ Россіи; упомянуты только кіевскія школы, а не московскія; Ломоносовъ требовалъ исключенія статьи. Напрасно Миллеръ оправдывался источниками, въ которыхъ нѣтъ ничего о московскихъ школахъ за тѣ вѣка, напрасно указывалъ на независимость журнала отъ академической канцеляріи, напрасно, наконецъ, перенесъ дѣло на разсмотрѣніе гр. Разумовскаго,—ничто не помогло. Разумовскій на этотъ разъ призналъ требованіе Ломоносова справедливымъ, велѣлъ статью Полетики исключить, какъ наполненную многими непристойностями, а Миллера подчинилъ въ изданіи *Ежемесячныхъ Сочиненій* распоряженіямъ академической канцеляріи, которая стала требовать отъ Миллера предварительнаго списка статей ¹⁾. Миллеръ продолжалъ отстаивать самостоятельность своего журнала и представлялъ списки статей, поступившихъ въ редакцію, безъ распредѣленія ихъ по книжкамъ; но вскорѣ, въ 1759 г., *Ежемесячныя Сочиненія* подпали еще болѣе строгимъ правиламъ: за мадригалъ въ честь какой-то итальянской актрисы въ Петербургѣ, затронувшій неожиданно ея недоброжелательницъ въ придворныхъ сферахъ, журналъ былъ окончательно подчиненъ предварительной

¹⁾ Ист. ак. наукъ, II, стр. 610—613.

цензурѣ академической канцеляріи, а злосчастный мадригалъ былъ вырѣзанъ изъ книжки журнала ¹⁾).

Не привожу позднѣйшихъ столкновеній академическаго журнала съ цензурными требованіями; не останавливаюсь и на цензурной исторіи *Трудолубивой Пчелы* Сумарокова, тѣмъ болѣе, что отношенія Сумарокова къ цензору его журнала осложнялись неуживчивымъ характеромъ „россійскаго Расина“ и неисправными денежными его расчетами съ типографіей. За елизаветинское время приведу еще только случай съ переводомъ „Опыта о человѣкѣ“ Попа. Въ 1753 г. Николай Поповскій, тогда еще студентъ академіи, впоследствии извѣстный профессоръ московскаго университета, перевелъ „Опытъ о человѣкѣ“. Молодой переводчикъ находился подъ покровительствомъ Ломоносова и Шувалова; по инициативѣ перваго изъ нихъ приступлено было къ изданію перевода, но въ дѣло вмѣшалась духовная цензура и остановила печатаніе, находя, что „издательскія книги ни изъ св. писанія. ни изъ содержимыхъ въ православной нашей церкви узаконеній ничего не заимствуя, единственно всѣ свои мнѣнія на естественныхъ и натуральныхъ понятіяхъ полагають, присовокупляя къ тому и Коперникову систему, такожь и мнѣніе о множествѣ міровъ, св. писанію совѣмъ не согласныя“. Несмотря на заступничество Шувалова, изъ „Опыта“ было выпущено много мѣстъ, а нѣкоторые стихи или были измѣнены, или даже замѣнены совѣмъ новыми, составленными духовнымъ цензоромъ. Вотъ для примѣра одна такая замѣна. Въмѣсто двустишія:

Ни звѣрской лютостью наполненный тиранъ,
Ни крови жаждущій разбойникъ согражданъ—

¹⁾ Ист. ак. наукъ, II, 560—562, 609, 610, 870. *Пекарскій*: „Редакторъ, сотрудники и цензура русскаго журнала въ XVIII в.“, стр. 41, 42, 44—48, 50, 51.

цензоръ вставилъ:

Ни сильный въ державѣ надъ подданными царь,
Ни землю орющій для податей пахарь ¹⁾).

Такъ какъ стихи, вставленные цензоромъ, нерѣдко искажали вообще смыслъ подлинника и часто грѣшили противъ стихосложенія, то переводчикъ напечаталъ эти цензорскія вставки другимъ шрифтомъ, чѣмъ весь текстъ, для того, чтобы читатели могли отличить „Поповскіе стихи отъ стиховъ поповскихъ“. Изъ-за цензурныхъ придирокъ изданіе перевода вышло только чрезъ три года.

Извѣстно, какое оживленіе сказалось въ нашей литературѣ въ царствованіе Екатерины II, благодаря отчасти прямому покровительству самой императрицы, которая много способствовала развитію у насъ печатнаго дѣла. Въ 1771 году она разрѣшила иноземцу Гартунгу устроить первую частную, „привилегированную“, „вольную“ типографію, но лишь для иностранныхъ книгъ (подъ цензурой академіи) и для объявленій (подъ цензурой полиціи); русскія книги Гартунгу запрещено было печатать, но только въ видахъ интереса казенныхъ типографій, а не изъ цензурныхъ соображеній; затѣмъ, въ 1776 г., книгопродавцамъ Вейтбрехту и Шнору дозволено завести типографію съ правомъ печатать и русскія книги; наконецъ, въ 1783 г. былъ изданъ общій указъ „о вольныхъ типографіяхъ“. Прежде, пока типографіи были только казенныя, при извѣстныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, не было нужды въ особыхъ цензурныхъ установленіяхъ: духовныя книги печатались въ синодальной типографіи подъ цензурой синода; свѣтскія книги печатались въ типографіи академической или университетской подъ цензурой этихъ ученыхъ учреждений. Когда въ 1771 г.

¹⁾ Сочиненія Н. С. Тихонравова, т. III, ч. I, стр. 85. (Статья: „Исторія изданія „Опыта о чловѣкѣ“, въ переводѣ Поповскаго)

дозволено было иноземцу Гартунгу завести типографію, ее пришлось подчинить внѣшней цензурѣ; для нея была установлена, какъ мы сейчасъ видѣли, двоякая цензура: иностранныя книги цензуровала академія, объявленія цензуровались полиціей. Теперь при разрѣшеніи открывать вольныя типографіи во всѣхъ городахъ пришлось сдѣлать общее постановленіе о цензурѣ: она была передана всецѣло въ руки полиціи, въ управу благочинія. Указъ 1783 года говоритъ: „Всемилоствѣйше повелѣваемъ типографіи для печатанія книгъ не различать отъ прочихъ фабрикъ и рукодѣлій, и вслѣдствіе того *позволяемъ, какъ въ обѣихъ столицахъ нашихъ, такъ и во всѣхъ городахъ Имперіи нашей, каждому по своей собственной волѣ заводить оныя типографіи, не требуя ни отъ кого дозволенія, а только давать знать о заведеніи таковомъ управѣ благочинія*“; послѣдней поручено слѣдить, „чтобы въ книгахъ ничего противнаго законамъ Божіимъ и Гражданскимъ или же къ явнымъ соблазнамъ клонящагося издаваемо не было; чего ради отъ управы благочинія *отдаваемыя въ печать* книги свидѣтельствовать“. Такимъ образомъ, тутъ впервые установлена общая предварительная цензура, перешедшая отъ академіи и университета въ завѣдываніе полицейскаго учрежденія ¹⁾).

Изъ цензурной исторіи екатерининскихъ временъ я остановлюсь на двухъ самыхъ крупныхъ фактахъ: на судьбѣ литературныхъ предпріятій Новикова и на судьбѣ книги Радищева.

Имя Новикова пользуется у насъ большою извѣстностью и въ литературѣ, и даже въ обществѣ, но съ этимъ славнымъ именемъ обыкновенно связывается или представленіе о журнальной дѣятельности Новикова, или представленіе объ его масонствѣ. Новиковъ, несомнѣнно, занимаетъ видное мѣсто въ исторіи журналистики и въ исторіи нашего масонства; но не менѣ

¹⁾ П. С. З., № 13572, 14495, 15634

важно значеніе Новикова въ области издательскаго, книжнаго дѣла.

Книжную дѣятельность Новикова можно разсматривать совершенно независимо отъ его масонства. Во-первыхъ, онъ печаталъ все-таки много книгъ не масонскаго содержанія, не узко-нравоучительнаго направленія, а во-вторыхъ, съ этой стороны его дѣятельность важна главнымъ образомъ по матеріальному развитію предпріятій, по устройству отличной типографіи, по изданію множества книгъ, газетъ, по заведенію книжныхъ лавокъ не только въ столицахъ, но и въ глухой провинціи, вообще по развитію нашего книжнаго дѣла. Издательская дѣятельность Новикова, въ связи съ просвѣтительною и благотворительною дѣятельностью его и профессора И. Г. Шварца, какъ выдающихся лицъ изъ ихъ кружка,—дѣятельность эта является чѣмъ-то совершенно изумительнымъ, безпримѣрнымъ въ русской жизни: нельзя не удивляться тому, сколько энергіи и любви къ благу родины было нужно, чтобы при слабыхъ средствахъ небогатаго, частнаго человѣка можно было достигнуть такихъ поразительныхъ результатовъ.

Въ 1779 г. Новиковъ, уже заявившій себя на издательскомъ поприщѣ, переѣхалъ въ Москву изъ Петербурга для новаго дѣла: онъ снялъ на десять лѣтъ въ арендное содержаніе университетскую типографію съ книжной лавкой, а также изданіе *Московскихъ Вѣдомостей*. Новикову пришлось бороться съ ужасными затрудненіями. Типографія была въ плохомъ состояніи, шрифтовъ было мало, рабочіе лѣнны, заказы рѣдки, доходы ничтожны. Новиковъ энергично принялся за дѣло, выписалъ и заказалъ новые иностранныя и рускіе шрифты, учредилъ порядокъ работъ. Онъ возвысилъ интересъ *Московскихъ Вѣдомостей* расширеніемъ ихъ программы, улучшеніемъ печатаемаго матеріала; подписка у него быстро увеличилась; онъ оживилъ дѣятельность университетской книжной лавки, войдя